

The book cover features a detailed illustration of a young woman with long, wavy brown hair, wearing a crown made of red, branch-like material. She is shown in profile, looking towards the right. The background is a lush, misty forest with tall evergreen trees and mountains in the distance under a soft, hazy sky. The overall color palette is dominated by greens, browns, and soft yellows, creating a magical and atmospheric setting.

ПРЕДГОРЬЕ

Выбор

18+

Анна Тетерина

Анна Тетерина

Предгорье. Выбор

<https://litres.ru/74008679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысячелетия назад горы разделили материк на два мира.

Предлесье — земля древних традиций, где люди управляют стихиями с помощью магического источника.

Предгорье — страна технологий, отрезанная от магического источника высокими хребтами. Здесь магия — запрещённое явление, а вера в старые традиции считается пережитком прошлого.

Пава готовится выйти замуж за Ария, но свадебный обряд Предлесья требует от невесты провести ночь со случайно избранным молодым человеком, чтобы проверить крепость чувств. Когда магический поток избирает для обряда их лучшего друга — Сирена, они принимают безумное решение — сбежать в Предгорье, в мир, о котором они ничего не знают.

Откуда им знать, что их побег станет настоящим подарком судьбы для Крона, мэра Предгорья, а Паве предстоит сделать выбор, который изменит будущее всего материка.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21

Анна Тетерина

Предгорье. Выбор

Пролог

*Некоторые границы
созданы не природой —
они выстроены
в человеческих сердцах.*

Пролог

2005 год от Разделения

— Нет, ты слушай дальше! — шушукаются девочки на перемене между уроками, а я напрягаю слух, чтобы разобрать, о чем идет речь. — Автор все подробно описывает... Ания, продолжай читать, интересно же!

Перерыв между уроками всегда невыносим: все девочки, кроме меня, собираются на последней парте и читают запретные книги, обсуждая каждую неприличную сцену. Перемены у нас длинные, а когда хочется услышать то, от чего смущаешься и краснеешь, эти двадцать минут длятся вечность.

Сегодня Ания принесла толстую потрепанную книгу, и, к

своей досаде, я не успела прочитать название.

Ания хихикнула от предвкушения и продолжила читать:

— *Я даже смотреть на него не могла. Душа проклинала невесть кем придуманную традицию Предлесья. Он приблизился ко мне, открывая взору все свое естество: нас запустили в шатер голыми, не заботясь ни о стыде, ни о стеснении. Я отвела глаза, стараясь не думать о своей собственной нагоде...* — девочки выдохнули одновременно, а я уже поняла, о чем идет речь: это самое известное описание традиционного обряда, о котором нам начинали говорить еще с пятилетнего возраста. Мы знали пока что все в общих чертах: перед тем, как выйти замуж, невеста обязана провести ночь с другим мужчиной, чтобы укрепиться в своем желании именно будущего мужа. Книг нам об этом читать пока не давали, и уж это произведение раньше шестнадцати лет даже и получить бы не удалось. Как Ании удалось это сделать в одиннадцать лет?

Заслышав стук каблуков (у всех учителей обувь сделана с громкой набойкой, часто по индивидуальному заказу у мастеров-ремесленников), девочки кидаются на свои места, а неприличная книга скрывается в холщовой сумке.

Эх, жаль, Сирен сегодня заболел. Обязательно расскажу ему, что услышала: друг должен знать то же, что и я. Да и оставлять его одного с сильным кашлем никак нельзя. Так что после занятий — сразу к нему.

Глава 1

Предлесье

2012 год от Разделения

Я расправила складки сарафана, садясь на бревенчатую скамью. Ее еще прошлым летом, ровно год назад, сколотил Илий, золотых рук мастер по дереву.

“Чтобы любовались природой и не ходили целоваться куда не следует”, — напутственно сказал он тогда, приладив последнюю деталь и призвав силы дерева, которое чувствовал лучше других, чтобы укрепить скамью на века.

Место и правда было выбрано будто для влюбленных: деревья расступались, открывая с холма вид на реку Несыть, широкую и полноводную, несущую свое течение до самого Предгорья (так нам рассказывали на уроках землезнания, потому что в само Предгорье никто из жителей Предлесья и ступить не решился бы). Ночью небо зажигалось бесчисленными звездами, и вид, и без того завораживающий, становился чарующим. С прошлого года и повелось всем влюбленным встречаться здесь. Уже многое число предложений замужества здесь сделали, и каждая девушка с замиранием сердца садилась на скамью, ожидая тех самых слов.

Я не замирала от волнения, потому что замужество никак не поменяет наших отношений с Арием: мы породнившиеся

души, мы любим друг друга и будем жить, пока Первые люди не заберут нас в Мир душ.

Я услышала шорох и закрыла глаза, уже зная, что произойдет: Арий закроет мне глаза руками и высоким голосом спросит: «Угадай, кто?». Он всегда так делает, уже два года — с тех пор, как предложил мне стать парой. Каждый раз этот ритуал заканчивается долгим поцелуем.

— Угадай, кто, — мужские руки закрыли мне глаза, и я улыбнулась, поворачиваясь к возлюбленному.

— Ха! — воскликнул Сирен, видя, как округлились мои глаза. — Как я давно мечтал тебя так обдурить, но все не было подходящего момента, — Сирен громко смеялся, пока я шутливо надула щеки, на самом деле ничуть не обижаясь. — А тут такой случай: Арий задержался у плотника по поручению отца, возникла какая-то трудность, но он скоро придет.

Сирен помолчал, глядя на простиравшуюся в обе стороны реку.

— Ты уже выбрала, к кому пойдешь учиться?

Я не заметила, как минуло пять лет обучения в школе. Когда нам исполняется восемнадцать лет, нужно выбрать, к какому мастеру пойти учиться. Моя семья, конечно, не теряла надежды отправить меня в Храм науки, чтобы я могла изучать магию и проводить научные эксперименты в будущем, но для меня об этом и речи не могло быть: я давно решила стать мастером по камню, хоть это и считалось мужским занятием. Как по мне, только девушка и может поймать всю

красоту камня и выразить его в браслетах, оберегах, перстнях и цепочках, которыми будут хвастаться девушки-покупательницы.

— Да, решила, — ответила я и заметила, что Сирен напрягся, будто заранее опасался моего ответа. Или мне показалось? — Как и хотела, пойду к каменным дел мастеру.

— А суженый твой что говорит?

Я повела плечом, пытаюсь казаться уверенной в своем решении. Почему-то не могла я признаться близкому другу в том, что только ему и решилась пока сказать о своем решении. Сирен усмехнулся, ничего не сказав, однако внезапно убрал руки со спинки скамьи.

— Ох, Сирен, хулиганишь, — это Арий своим звучным низким голосом еще издали приветствовал нас. Сирен и Арий слегка поклонились друг другу, приложив правую руку к груди, как принято в Предлесье. Я слышала — но что толку слухам верить — что в Предгорье при встрече обнимаются даже незнакомые люди, но кто знает, как оно на самом деле.

— До свидания, Пава, — Сирен попрощался и быстро ушел вверх по холму, чтобы уже через несколько минут оказаться на широком поле, отделявшем столицу Предлесья — Короград — от леса и озера.

Арий сел рядом. Краем глаза я видела, что он переводит взгляд со своих рук на меня и обратно, будто решаясь что-то сказать.

— Ты сегодня необычно молчалив, будто тебя лесные

молчуны к себе заманили и отпустили только с условием, что слова не скажешь за весь день, — решила я нарушить тишину и ничего лучше не придумать, чем сказку, рассказанную бабушкой.

— Мне нравятся твои шутки, — Арий выдавил это охрипшим голосом. — Мне вообще все... в тебе нравится.

Я молчала, только тихо вздохнула: в груди поднималось предвкушение, которому я боялась поверить. О том, как делать и принимать предложение, родители рассказывают детям. Моя мама посадила перед собой, когда мне исполнилось четырнадцать лет, а кому-то из подруг рассказали и того раньше.

Даже если вы абсолютно одни и никто не может увидеть вас в такой близкий, интимный и магический момент — а так чаще всего и бывает — но все равно вы должны были соблюдать ход действий. Соблюдение ритуалов проверялось на свадебной церемонии наложением магических потоков на прошлое.

— Будь моей женой! — выпалил Арий — и замолк. Мне даже на мгновение показалось, что он зажмурился, не веря, что произнес заветные слова.

— Думаешь ли ты обо мне во сне так же, как наяву? — ответила я вопросом, как и полагалось девушке, которой делают предложение: должна соблюсти определенный словесный ритуал.

Арий улыбнулся той самой широкой улыбкой, заставляв-

шей его зеленые глаза сиять. Улыбнулся он потому, что только в случае согласия девушка начинает задавать вопросы.

— Да, — ответил Арий.

— Увидел ли ты наше будущее у Кудрявого камня, поведав ему тайну сердца?

— Да, — Арий продолжал улыбаться. Я знала, что он действительно ходил к Кудрявому камню, и не только потому, что так предписывал обычай.

— Могу ли я положиться на тебя в случае нездоровья, потери магических сил и других ударов судьбы?

— Да, — ответил Арий. — И если ты веришь мне, будешь ли ты моей женой?

— Да, — теперь уже ответила я. Больше мы не могли сдерживаться и поцеловались, ликуя от счастья. Как хорошо, что деревья вокруг скрывали нас от чужих глаз, потому что я уже сомневалась, что наш поцелуй оставался легким и приличным.

Вернулись мы, едва успев к обеду, с трудом разъединили ладони и разошлись по домам.

Мама обняла меня, сильно-сильно, прижав к груди, а отец принес из сеней и поставил на стол бутылочку рябиновой настойки, которую мы открывали только по самым главным праздникам Предлесья: Новый год, День урожая, День предков и наши дни рождения.

С трудом выдержав обед, я убежала в комнату, чтобы на-

рядиться. Мне сделали предложение, и я хотела, чтобы Арий увидел меня по-новому.

Мы шли и держались за руки совершенно открыто. В мою косу вплетена была золотая лента, которую мама подарила мне, вытащив из резной деревянной шкатулки. Мне по нраву было сочетание каштанового цвета моих волос и золотого оттенка ленты.

Сирен, шедший навстречу, даже присвистнул.

— Вот вам и новости! — воскликнул он, улыбаясь и при-танцовывая. — Поздравляю вас, друзья мои, — он приобнял нас по очереди, и я снова почувствовала вишневый запах: приемный отец Сирена, Миколий, владел гончарной мастерской и считал, что запах глины может сочетаться только с запахом вишни.

Мы продолжили путь уже втроем. Сегодня как раз был выходной, можно было позволить себе гулять празднично и без заботы на сердце.

Вдруг Сирен замер и глаза его округлились. Мы тоже замерли, предвкушая его обычную шутку: любил Сирен всех смешить и редко был серьезным. Однако в этот раз, кажется, он не думал шутить.

— А вы свадьбу делать будете? Настоящую, по всем канонам?

— Конечно, — ответил Арий, еще раньше, чем я успела открыть рот.

— Да, вы же уже всем рассказали и, получается, офици-

ально объявили... — Сирен побледнел.

— Да что такое? — Арий не выдержал. — Говори!

И тут я поняла, меня будто бросили в ледяное озеро в разгар зимы. Как я могла забыть о том самом обычае, хотя помнила о нем с самого детства?

— Я поняла, о чем он, — выговорила я, уставившись себе в ноги. — О первой проверочной ночи.

Теперь побледнел Арий.

Последний раз я была на свадьбе лет десять назад, мне тогда было восемь лет, и помню только невесту в белом традиционном наряде Предлесья и вкуснейший тыквенный пирог, вкус которого я никогда не забуду, а в четырнадцать лет, когда мама посадила меня на скамью перед собой, она больше говорила про ритуалы до дня свадьбы, а остальное объяснила сумбурно и будто недоговаривая, концентрировалась только на проведении ритуалов, но не на эмоциональных подробностях.

— Дочь моя, ты вступаешь в возраст подготовки к замужеству, и я, как твоя мать, должна рассказать тебе о важной традиции. Свадьба ваша будет проходить в два дня, и поженились вы только на второй день.

— А что же в первый? — спросила я тогда, хотя многое уже знала и о многом догадывалась.

— А в первый день... невесту ждет проверка на истинную любовь. Старейшины Предлесья с помощью магического потока выберут тебе молодого человека, с которым ты должна

провести ночь. Если после этой ночи ты не разуверишься в своем выборе, а твой муж будет так же сильно желать взять тебя в жены, то свадьба состоится.

— И вы с отцом... Ты тоже это проходила? — до конца я сдерживала злость: я ожидала, что все, о чем я слышала с детства и в перешептывании одноклассниц, окажется неправдой.

— Да, как и каждая замужняя женщина Предлесья, которую ты встречаешь на улице.

Я медленно выдыхала: с матерью мне не хотелось ссориться, она ведь не виновата в существовании такой традиции. Она и сама прошла через это, но тогда я не решилась спросить, что она чувствовала.

Потом еще много раз мы с подружками мы возвращались к этому обычаю, сводя все к пошловатым шуткам, но теперь-то, когда это должно было коснуться именно меня, я пришла в ужас.

Мы стояли посередине улицы и прохожие обходили нас, недовольно косясь и бормоча, что нехорошо стоять посередине дороги, но мы будто приросли к одной точке и не могли сдвинуться.

— Почему моя мама ничего не сказала мне, не напомнила? Она же видела, что мы с тобой... — наконец заговорила я и поспешила подтолкнуть Ария и Сирена вбок, чтобы уйти с пути прохожих.

— Потому что этой традиции много столетий, — ответил

Сирен, задумчиво смотря вдаль.

— Они уже и не думают о том, насколько это ужасно, — добавил Арий. — Я не хочу тебя никому отдавать. Я никому не позволю тебя касаться, — твердо сказал Арий и сделал это так громко, что некоторые прохожие заинтересованно оборачивались.

Однако мы знали, что никакие пламенные речи не изменят ход событий.

Я выйду замуж за Ария.

А перед этим пройду через свой личный позор, чтобы иметь право на счастье.

Глава 2

Предлесье большое. В каждом доме обязательно висит карта, показывающая, как широко раскинулся наш край. И только в самом углу карты топчется кусок Предгорья. Триста километров леса отделяют нас от гор и чужого края.

Каждый район Предлесья – а всего районов одиннадцать – связан со своим магическим числом. Однако число каждого района не идет по порядку и не подчиняется логике количества. Обладая собственной магической силой, число района усиливает магические способности его жителей, ему подчиняются все традиции, обряды и поверья. Число нашего района – семь, поэтому свадебный обряд подчиняется магической силе семерки.

Я стою в ожидании церемонии выбора случайного кандидата для первой ночи. Ожидание невыносимо, и еще более невыносимо понимать, что последует дальше, поэтому, чтобы отвлечься, перебираю в голове последние две недели.

Четырнадцать дней, две счастливые семерки, – период подготовки к свадьбе в нашем районе. Подготовкой праздника всегда занимаются женщины, потому что, как издревле считается, именно женщины умеют организовывать, планировать и договариваться.

Невеста должна за две недели придумать рецепты трех свадебных блюд, в каждом из которых по семь ингредиентов.

тов. На второй день свадьбы мне нужно будет их приготовить. Если второй день свадьбы наступит, но эти мысли я, как могла, отгоняла от себя.

Я могла бы попросить подруг помочь мне, но с самого детства друзьями моими были Арий и Сирен, а девушки так и остались приятельницами, у которых можно подсмотреть домашнее задание, пораспрашивать о путешествии в далекие города Предлесья или поговорить о новых украшениях. Я пригласила их на свадьбу, как требовал обычай, но если бы они не пришли, я бы даже не заметила.

Свадебное платье мое сшили в ателье, которое уже триста лет шьет платья. Его хозяин, Виллий, продолжает династию портных. До собственной свадьбы я ни разу не заглядывала в эту маленькую мастерскую на углу улицы, расположенной в нескольких шагах от моего дома. Помню, как остолбенела, войдя в узкую дверь: ткани, ткани повсюду. Полупрозрачные и глубокоцветные, искрящиеся и матовые, летящие и тяжелые, спадающие волнами на пол... В глубине комнаты сидел сам Виллий. Одной рукой он удерживал в воздухе полотно ткани, а круговыми движениями другой руки создавал складки. Не прошло и минуты – а в руках у него уже была длинная юбка серебристого цвета.

В ателье Виллия я выбрала свадебное платье одной из семи традиционных форм: корсетное с полупышной юбкой и длинными рукавами с прорезями. Всего одна примерка – и платье село по фигуре как влитое, и я не могла налюбоваться-

ся на свою талию и форму рукавов, однако вышивку, состоящую из семи растительных фигур, выполнить должна была я сама. Вышивать я не очень люблю, хотя нас учили этому на уроках рукоделия и получается у меня неплохо, но все-таки готовить мне больше по нраву – разбираться в специях и приправах, способах приготовления мяса и овощей, а не колоть пальцы иглой и считать крестики и стежки по схемам.

По традиции, жених занимается приданым. Я попросила Ария подготовить сундук с набором семи трав для магических снадобий: я любила помогать матери в ее лавке, а новые травы помогут мне придумать новые пряные ароматы и мази. Количество трав должно делиться на семь. И чем больше трав успеет заготовить жених, тем богаче и лучше он считается. Я и так знала, что Арий самый лучший, просила его побережь себя и не ходи слишком далеко, не искать что-то слишком экзотичное, но он, конечно, не слушался.

Выныриваю из омута памяти, уловив обрывок фразы распорядителя церемонии.

– ... доверим выбор силам природным, распоряжающимся всеми нашими судьбами.

Осторожно опускаю взгляд вниз, оглядываю узор на лифе. Крестик к кресту, стежок к стежку вышит на нем, переливаются зелено-голубые нити, складываясь то в листья, то в бутоны, то в округлые лабиринты и переплетения.

Арий стоит рядом со мной. Нам нельзя держаться за руки, но рукава его белой рубахи будто случайно касаются мо-

их рукавов, и мне становится легче: он рядом, он со мной. Слегка улыбаюсь, вспоминая, как долго выбирали Арию кушак: после шутки Сирена о том, что Арий похож на странника, Арий перебрал вариантов двадцать разных кушаков, пока не остановил свой выбор на средней ширины кушаке из переплетения ткани и кожаного шнура цвета вечернего неба с вышитыми листьями на концах, которые гармонировали с вышивкой на моем платье.

Заставляю себя вернуться в настоящее.

– Начинаем церемонию выбора кандидата для случайной ночи, – объявляет старейшина-церемонимейстер.

Я вместе со всеми гостями – моими родителями и родителями Ария, Сирином, моими приятельницами, теми, кто просто пришел на свадьбу как повод для праздника и веселья, и молодыми людьми-потенциальными кандидатами для первой ночи – оглядываю устремленный с пола в самый свод Храма полупрозрачный зеленоватый поток света. Пару мгновений столб света пуст, но тут в середине столба на уровне глаз старейшины поток вдруг уплотнился. Мне показалось, что я услышала тихий треск, будто вода за секунду превращается в лед. Старейшина протянул руку – и вот уже в руках у него возник тонкий лист.

На нем только одно имя.

Я не хочу слышать никаких имен, кроме Ария, но надеяться на это смысла не было.

– Сириен!

Голос старейшины не громче, чем обычно на каждом большом собрании, но он оглушает меня.

Не знаю, почему я даже не предполагала такой возможности, ведь Сирен как раз в том же возрасте, что и все подходящие кандидаты. Видимо, я по глупости думала, что дружба – а все знали, что мы друзья, – сама по себе является аргументом против избрания его как кандидата.

Я ошибалась.

Придя в себя, боковым зрением посмотрела на Ария. Он побледнел от ужаса. Они с Сиреном, который уже встал и приблизился к старейшине, как того требовал обычай, стали вдруг похожи: оба бледные, со сжатыми губами и прямой осанкой. Ритуал требует производить все движения в полной тишине, не молвя ни слова, что мы и делали, но не из уважения к традиции, а потому что у нас просто закончились слова от простоты и ужаса происходящего.

Старейшина подошел ко мне одновременно с Сиреном.

– Боги выбрали того, кто должен провести первую ночь с тобой, Пава, – он взглянул сначала на меня, потом на Сирена и наконец взгляд его остановился на Арии, точнее, на непроницаемой маске, в которую превратилось его лицо.

– Мы не противимся выбору, сделанному силами природы, да не воспротивятся они благополучию наших семей.

Сирен приблизился ко мне, а Арий, наоборот, отступил на шаг. Отступил медленно и неохотно.

Мы с Сиреном двинулись к боковой деревянной двери,

ведущей из зала к лестнице на второй этаж: там и находится спальня, где мы должны провести сегодняшний вечер и ночь.

Только теперь я могу обернуться и посмотреть на всех собравшихся, ведь до этого я стояла к ним спиной. Я вижу, что мой отец с матерью сидят бледные, как и родители Ария. Мать Сирена сдерживает слезы, однако все остальные, за исключением нескольких моих приятельниц, даже не подозревают, что произошло.

Их лица торжественны, и от того до жути противны.

Глава 3

Мы с Сиреном поднимались по лестнице светлого дерева на второй этаж, и я невольно сравнивала эту лестницу с той, что в доме Ария. В период подготовки к свадьбе я проводила дни, вечера или даже ночи у Ария. Жених мой жил в большом двухэтажном доме. Такие дома редко встречались в Предлесье не из-за их цены: связь с природой помогала быстро и дешево построить дом, однако жители Предлесья предпочитали дома маленькие и аккуратные. Семья Ария, приобретя статус, вынуждена была переселиться в соответствующее жилище.

Мне нравилось подниматься на второй этаж по резной деревянной лестнице, перила которой искусно обвивали резные стебли, шишки и бутоны.

Арию выделили большую комнату, которую позволили обставить так, как он этого хотел: письменный стол светлого дерева стоял слева от окна, а над ним Арий повесил несколько полок. На полках он собирал резные фигурки, которые дарили ему приятели или разные мастера в знак уважения к семье. По стенам, выкрашенным в светло-бежевый цвет, висело несколько ламп: Арий любил свет и даже днем зажигал лампы. Почти у самой двери стояли два массивных кресла, которые, на мой вкус, не сочетались с мягкостью обстановки, но мы часто сидели в них по вечерам, говорили или чита-

ли. Я, признаться, удивилась, что отец Ария, Кирен, проявил мягкость. Люди при встрече с Советником невольно испытывали трепет, чувствуя его строгость и принципиальность, но тогда отец проявил к Арию настоящую отеческую любовь.

Арий признался мне в любви год назад, и уже через неделю после признания я попала в эту комнату. Тогда я не могла избавиться от чувства, что поступаю неправильно, что меня сейчас выгонят, хотя встречи до официальной церемонии вступления в брак никто не запрещал, молодые могли близко знать друг друга до свадьбы, но только после официального предложения я по-настоящему почувствовала, что имею полное право быть здесь, быть с Арием.

Я вспомнила, как прошла до окна в комнате Ария и выглянула на улицу. Взгляд мой, как и всегда, опустился вниз на рябину под окном: несколько деревьев росли вместе, закрывая окна первого этажа от взгляда с улицы. К сожалению, деревья не смогли бы скрыть меня от того, что надвигалось.

— Опечалилась опять? — Арий приблизился и приобнял меня со спины. — Мы бессильны против этой традиции, если хотим быть женаты по закону людскому.

— Да, я знаю...Осталась неделя.

— Я буду рядом с тобой, я не брошу тебя, — шептал Арий, целуя меня в шею: он знал, что так я расслабляюсь. — Ты моя, и я хочу, чтобы ты всегда была моей.

— Я всегда буду твоей, но... — повернулась к тому, кто стал мне дороже всего на свете, вгляделась в его глаза, —

но...

— Что? — я чувствовала, как Арий напрягся, пока я решалась произнести ужасные слова.

— Я не знаю, как посмотреть тебе в глаза после измены.

Арий ошарашенно посмотрел на меня.

— О какой измене ты говоришь, душа моя?

— Я буду с другим мужчиной, он... он будет касаться меня, войдет в меня. Это ли не измена?

Я посмотрела прямо ему в глаза, ища подтверждения своих страхов, но Арий покачал головой.

— Измена — это добровольное предательство, которое я не смог бы тебе простить, но это не тот случай, Пава, слышишь?

Я помню, что кивнула, пытаясь сдержать слезы.

— Пойдем, — Арий потянул меня за собой, приближая к кровати. С первого взгляда она казалось слишком простой для сына чиновника: ни балдахина, ни белья из мягких тканей, вышитых блестящей нитью, но только мы с Арием знали, как мягка перина, запоминавшая все наши объятия, как тепло одеяло, усиленное теплом наших тел, как убаюкивают мягкие подушки после жаркого времени вместе.

Оставалось еще несколько ступеней лестницы, а я все прокручивала в голове, как заклинание: я принадлежу Арию, а он принадлежит мне. Этого не изменит даже постыдный обряд, через который мне предстояло пройти прямо сейчас.

***

Сирен пропустил меня вперед, поэтому я первой увидела, как красива спальня. Не будь я в нынешнем состоянии, я бы удивилась размеру кровати и покрывавшему ее мягкому пушистому одеялу тёмно-синего цвета, разноцветным маленьким подушкам. Небольшой круглый столик у овального окна был накрыт белоснежной скатертью, вышитой моим любимым орнаментом из вишни и цветов. Несколько электрических ламп освещали мягким светом серо-розовые стены, а ворсистый серый ковёр приглашал пройтись по нему босиком, как по ромашковому полю.

— Я не буду этого делать, голос Сирена вырвал меня из тихой грусти созерцания спальни. — Ты принадлежишь Арию, а я твой друг и друг Ария.

Я посмотрела на Сирена и невольно улыбнулась. Несерьёзный Сирен, всегда с готовой шуткой и когда на сердце тревога, и когда переполняет счастье. У него всегда готов план, серьёзный, хоть и предложенный в шутку.

Бледность уже покинула его лицо, наоборот, на лбу и на щеках проступили красные пятна. Сделала шаг к нему, и Сирен невольно отшатнулся назад. Села на кровать и поглядела на острые носки моих свадебных туфель, обшитые толстой серебряной нитью.

— Ты же избран судьбой, обреченно вздохнула я. И на твоём месте мог быть кто-то другой.

— Да, и это меня сейчас пугает. Осознавать, что этот кто-то без промедления...

“Неужели мы больше никогда не сможем по-дружески шутить” с ужасом подумала я, и, видимо, ужас этот отразился у меня на лице.

— Именно, мы больше не сможем жить, как прежде, Пава. Сирен что, читает мои мысли?

Он сел рядом со мной и коснулся своим плечом моего. Жест поддержки, такой знакомый и обычный с самого начала нашей дружбы.

— Пава, я люблю тебя как подругу, и я рад за вас с Арием. Я хочу вам счастья. И помянуть ваших детишек, — Сирен грустно улыбнулся, и я повернулась к нему, встретившись со взглядом его голубых глаз. — Думаю, Арий тоже очень удивился нашей удаче сегодня, — неожиданно воскликнул друг. Я поняла каждое слово, но вместе они складывались в какую-то чушь.

— Удача? — вот и все, что я смогла вымолвить.

— Да, Пава, удача. Нам необходимо сбежать отсюда.

— Ты ведь понимаешь, что, сбежав из этой комнаты, мы не убежим от обряда. Нас либо прилюдно опозорят, либо проведут обряд снова, и на этот раз выбор падёт на незнакомого мне молодого человека, который шутить не будет, я вздохнула и замолчала.

Кажется, Сирен меня даже не слушал.

— Пора выбираться отсюда.

— И как же ты... — начала я, но Сирен уже направился к противоположной от кровати стене.

— Всё просто, если знать, — подмигнул он мне, а я ни сном ни духом не ведала, что же он задумал. — Здесь есть потайная дверь на задний двор. В эту дверь вносят и выносят разные хозяйственные принадлежности и грязную воду, чтобы жители города не видели, что такому священному месту тоже не чужды мирские заботы, — объяснил Сирен, вглядываясь в рисунок на тканевом покрытии стен. Наконец его длинные пальцы замерли на одном из золотистых элементов орнамента.

— Нашел.

Сирен мягко нажал указательным пальцем на этот участок, и из стены начала выдвигаться дверь. И теперь мне стало даже смешно, что я не замечала её раньше.

— Мы сейчас свяжемся с Арием через природный дар. Сколько прошло, как мы здесь сидим? Минут двадцать? Думаю, гости, уже успели отойти от здания, кто-то уже домой вернулся.

Уже несколько столетий в Предлесье ищут способ связи друг с другом, но, к сожалению, магия природы — сила растений, воды, огня, солнца — не помогает такой способ изобрести. Единственное, что доступно жителям Предлесья, — это использовать врожденную способность передать короткое сообщение. Управлять этой способностью учат на последнем году обучения, и в течение года не всегда удаётся по-настоящему овладеть этим даром: для передачи сообщения нужно еще и уметь это сообщение принять, а это, как

оказалось, еще сложнее. Например, мне так и не удалось, хотя я потратила множество часов на практику. А вот Сирен — и я доброжелательно завидовала другу — владел этим навыком так, что мог передавать от двух коротких предложений. Хотя принимать сообщения ему тоже удавалось с трудом.

Сирен закрыл глаза, сделал вдох и долгий-долгий выдох.

— *План воплощается. Скоро жди на условном месте,* — Сирен четко произнес два предложения и замолчал, так и не открывая глаза.

Я смотрела, каким расслабленным стало его лицо: исчезла горизонтальная линия на лбу, мелкие морщинки в уголках глаз следы того, что Сирен слишком эмоциональный.

Сирен неподвижно стоял с закрытыми глазами, и я знала, что он проговаривает внутренним голосом сообщение несколько раз.

— Теперь нам нужно поскорее уйти, Пава, — Сирен нежно погладил меня по плечу, видя, что я всё ещё бледная.

— Хорошо, — я сдалась, с опаской вглядываясь в тёмный проём, из которого тянуло холодным воздухом.

— Я с тобой, — Сирен взял меня за руку. — Идём, надо спешить. Как бы ни приятен был предполагаемый между нами процесс, но много времени нам всё равно не дадут.

Сирен отвернулся и первым вошел в проем, поэтому не увидел, как мне стало жарко от смущения. Наверное, щёки покраснели. Я была из тех невезучих девушек, что краснели и бледнели, выдавая все, что творится в душе.

Мы шли тихо. Странно было, что каблуки моих туфель не стучали по каменистому полу, видимо, он чем-то был выложен, но я не могла разглядеть, потому что свет ложился как-то горизонтально, освещая только верхнюю часть сводов. Мне не было холодно то ли от жары и волнений, то ли потому, что тянущий ветер куда-то пропал. Я вдруг стала ощущать, что мы будто спускаемся с небольшого холма.

Что скажут мать и отец? Я думала о родителях, не переставая. Никогда их не подводила, старалась порадовать. Я вдруг вспомнила, как три раза переделывала венок на мамин день рождения, потому что была уверена, что маме не понравится неряшливое плетение. Мне было четыре года.

Понимал ли меня Сирен? Связывали ли его такие же близкие отношения с приемными родителями? Чувствовал ли он, что предает их?

Коридор стал шире, но прохладнее. Я порадовалась, что традиционное свадебное платье сшито из теплого хлопка, что рукава не дают мерзнуть рукам.

— Пава, — Сирен прервал мои мысли и снова взял меня за руку. — Сейчас нужно быстро бежать: между выходом из тоннеля до нашей роци примерно метров двести. Земля там мягкая, ты сможешь бежать? Я могу понести тебя на руках, но...

— Не нужно, Сирен.

Представила, как он побежит со мной на руках, и засмеялась. Засмеялась, потому что страшно было заплакать.

Страшно представить, что нас ждет завтра.

—Я добегу.

Мы вместе уперлись в металлическую дверь с резными узорами, которая почему-то легко открылась, и вот мы уже с опаской смотрели на задний двор. Видимо, данный тоннель вел из Храма через Лекарский дом, храмовую школу, хозяйственные постройки. Странно, что я никогда не знала об этом, никогда не видела.

Откуда Сирен об этом знал? Почему не говорил мне?

Задавать вопросы времени не было. С минуту мы собирались с мыслями, обводя взглядом окрестности. Никого не было, и мы бегом пустились через полосу, отделявшую нас от высоких деревьев, — Кудрявой рощи.

Мы бежали, не оглядываясь, готовые к тому, что нас окриknут и остановят, но пока что всё было тихо. Я даже почти не думала о том, что белоснежный подол платья вымазался в мягкой земле и зеленой траве.

Я начала тяжело дышать, но бежать мне было легко — тяжело от страха. Мы благолучно добрались до деревьев, скрывших нас от погони хотя бы на время. Сирен уверенно потянул меня за собой — мы ещё не пришли.

Тропинка, хоженная нами много раз с самого детства, вела к высокому дереву, прозванному жителями Предлесья кудрявым дубом. Его ствол ни в детстве, ни сейчас я не смогла бы обхватить. Даже возьмись мы все втроем за руки и обхватить его, всё равно еле-еле смогли бы. Крона начиналась высо-

ко, так, что приходилось задирать голову, чтобы увидеть ветви наверху. Как говорили нам старейшины, это дерево посадили тысячелетия назад.

Около дерева, закрывая собой часть дупла, нетерпеливо переминался с ноги на ногу Арий.

— Душа моя, — кинулся он ко мне.

Я заревела в голос, устав сдерживаться. Нельзя тратить время на плач, слёзы, разговоры, но мне нужны были эти секунды, иначе я просто не выдержала бы дальнейшего пути.

Я не знала, где Сирен. Видимо, он ушёл проверять, все ли вещи собраны.

Я отстранилась от Ария, и теперь наконец могла всё обдумать. Вопросов в голове накопилось несметное количество.

— Вы что, давно все приготовили? — я наконец обратила внимание на то, что чуть поодаль стоит конь.

— То, что выбрали Сирена, что его имя вообще попало в список кандидатов, — это чудовищно, — начал объяснять Арий, взваливая два тюка на спину коня. — Однако я бы не смог смириться и с другими кандидатами. Изначально Сирен помогал мне организовать наш побег от того, кто посмеет насильно сделать тебя своей, но вышло, как видишь, иначе.

— Признайся, это даже удобно, — хмуро усмехнулся Сирен. — Так нам пришлось бы вваливаться в комнату и похищать тебя из под носа кавалера.

— Я бы не стал называть это удобством, — беззлобно воз-

разил Арий, — но ты прав. Мы пойдем пешком, — обратился он ко мне, — а поклажу на коня. Когда ты устанешь, сможешь сесть верхом и ехать с удобством.

Сначала мне стало обидно, что меня считают самой слабой, но вспомнив, как отец всегда оберегал мою маму, что было принято и в других семьях, я успокоилась и улыбнулась.

—Чей это конь? — я сменила тему, чтобы отвлечься и перестать дрожать: мне чудились стук копыт и крики стражи, но на самом деле, вокруг шумели только кроны деревьев да птицы радовались теплу и солнцу.

—Взял на конюшне, он и так мне полагается по закону после женитьбы. Можно сказать, что я просто его чуть раньше срока взял, — ответил Арий, отводя взгляд.

Сирен хлопнул друга по плечу.

—Мы уже нарушили самое священное правило и прервали обряд. Конь это меньшее, о чем бы я переживал.

Арий кивнул и еще раз проверил, все ли хорошо закреплено. Конь равнодушно терпел все эти действия, только иногда его бело-черные бока вздрагивали. Я уселась в глубь дупла и переоделась. С грустью свернула платье, которое должно было красоваться на мне и на следующий день. Надев свободные серые брюки и кофту из плотной, но мягкой ткани и черные высокие сапоги, которые позволяли долго идти, не уставая, я переплела косу, завернув ее в пучок, чтобы волосы дольше оставались чистыми.

—Пора в путь, — напомнил Сирен, и мы почти одновременно выдохнули от напряжения.

Я оглянулась назад, возможно, в последний раз, поглядела на уже с детства знакомые деревья, на мой родной город и его небольшие аккуратные домики с темно-красными крышами, вдалеке видневшиеся рощицы и несколько высоких башен. Внутри все сжалось от грусти, но решение уже было принято.

Не знаю, о чем думали Арий и Сирен. На лице Сирена застыла его обычная ухмылка. Он не задержал взгляда на родном городе, будто его совсем ничего не держало в Предлесье, хотя я знала, как трудно будет его приемным родителям принять уход любимого приемного сына.

Удивительно, но мы двигались по широкой тропинке и я задавалась вопросом, кто протоптал ее, почему она не зарастает, ходят ли по ней сейчас, кто и как часто? Вопросы отвлекали от волнения. Шли мы молча, будто настраивались на тяжелый переход.

Протянувшись по равнинной лесной местности, тропа постепенно начала подниматься, что я чувствовала по напряжению в ногах и участившемуся дыханию. Однако мне было даже приятно направить внимание на мышцы. Иногда я закрывала глаза, соединяясь с природой: чувствовала дыхание и запахи растений, различала голоса и движения разных животных. Эта часть леса не походила на рощу в городе, где мы с мамой собирали травы для приготовления мази, кремов на продажу в магазине. В роще растения будто бы росли в нево-

ле, а здесь их энергия проходила свободно, неограниченно.

Я бы с радостью остановилась и изучила незнакомые дары леса, но нельзя: скоро наш побег раскроется если уже не раскрылся и за нами обязательно отправится погоня. Жители Предлесья не должны попадать на территорию Предгорья. Это раз. Мы прервали главный жизненный обряд. Это два. Мы сбежали. Три причины отправить за нами отряд. Три причины уходить как можно быстрее, не оглядываясь.

***

Солнце уже давно достигло высшей точки в летнем небе и теперь готовилось к закату. Мы сделали привал, чтобы накормить коня и немного поесть самим.

Сирен открыл одну из седельных сумок, и я даже приоткрыла рот от удивления: вяленое мясо, сушеные сливы и абрикосы, вареные яйца, помидоры, огурцы. Все нарезано и упаковано в специальные дорожные корзинки.

—Когда вы успели все это собрать? — я взглянула на Сирена, а затем обернулась к Арию. — Расскажите мне, как вы вообще все это приготовили? Почему я ничего не знала?

—Пава, терпение! — шутливо протянул Сирен. — Мы сейчас разведем костер и все расскажем.

Я знала, что Сирен держит обещания, поэтому кивнула, взяла покрывало и направилась к лежащему бревну, чтобы устроить какой-никакой стол.

У Ария всегда получалась управляться с огнем лучше всех: он его чувствовал так, как я растения, поэтому уже че-

рез минуту костер взялся за тонкий хворост и перекинулся на более толстые ветки.

Сирен воткнул в землю деревянные колья и повесил котелок на горизонтальную перекладину. Я узнала котелок и клеймо Тирена, мастера по металлу. Скорее всего, подарок приемному отцу Сирена, от мастера мастеру.

Вода закипела быстро знак магической закалки металла. Сирен закинул картошку, а я выбрала самые вкусные пряные травы. Запах дыма создавал уют, смешиваясь с привычным запахом еды и трав. Мне захотелось закрыть глаза и уснуть рядом с Арием. Только, конечно, на мягкой перине дома.

Законные ли мы муж и жена? Этот вопрос пронзил мое сознание. Официально церемония признавалась оконченной только после обряда. Никто никогда не нарушал этот обряд, и я не знала, какой у нас все-таки статус. Мои мысли прервал Сирен, садясь рядом с Арием и помешивая похлебку.

—Как только назначили дату обряда, мы с Арием начали думать, что делать.

—Точнее, я обратился к тебе за помощью, — усмехнулся Арий, вытягивая ноги в высоких сапогах из плотной ткани черного цвета и в таких же по цвету брюках.

—Конечно, ты обратился ко мне за помощью, друг, — улыбнулся Сирен. — Мы до самого конца не знали, как все это устроится, но все равно подготовились для долгого путешествия: собрали еду, одежду, посуду.

—Откуда ты знаешь про тайный проход из Храма? — лю-

бопытство съело меня.

—От моей приемной матери. Она прачка не только в городе, но стирает и для Храма. Ее прачечная пользуется доброй славой, а Храму нужны надежные и светлые помыслами помощники. Вот они ее и пригласили подрабатывать. Когда приезжают делегации из Посадска, Тенелиста или Зверолеся, работы становится невпроворот. Мама и рассказала мне про этот выход уже давно, но я вовремя про него подумал...

Я вспомнила, с какой торжественностью принимали гостей из нескольких крупных городов Предлесья, но последняя такая делегация была уже достаточно давно, год назад. От мысли, что я могу уже больше никогда не увидеть концерты гусельного оркестра, хора, гуляний, катания с гор в горле встал ком. Арий приобнял меня и погладил по спине.

—Похлебка готова! — воскликнул Сирен. Он вытащил глубокие миски, слегка блестящие в лучах заходящего солнца, и налил каждому картофельного бульона, бросив туда немного вяленого мяса.

—Пусть силы леса дадут радости от данной нам пищи, — прошептала я, как, возможно, в эту же минуту делала каждая женщина за каждым столом Предлесья.

Не знаю, что повлияло: соединенность с лесом, усталость от переживаний и перенесенных волнений дня, друзья рядом или все вместе, но похлебка показалась мне одной из самых вкусных, что я ела за всю свою жизнь. Тепло наполнило каждую жилочку, и даже подумалось, что не все так плохо, что

мы справимся.